

DOI 10.35775/PSI.2025.71.6.022

УДК 32

Р.А. КОБЕЛЬКОВ

аспирант Дипломатической академии

Министерства иностранных дел Российской Федерации

(ДА МИД РФ), Россия, г. Москва

E-mail: ruslan.kobelkov@mail.ru

МЕТОДЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РУСОФОБИИ И СЕРБОФОБИИ В СТРАНАХ НАТО: АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕКСТА (1991-2022 ГГ.)

В статье рассматриваются ключевые методы институционализации русофобии и сербофобии в странах-членах НАТО в период с 1991 по 2022 годы. Исследование основывается на анализе внешнеполитических документов, докладов аналитических центров, решений международных организаций, а также медиариторики западных государств. Автор выделяет два доминирующих канала институционального закрепления негативных образов России и Сербии: официальную внешнеполитическую риторику и информационно-пропагандистский дискурс в СМИ.

Особое внимание уделено изучению стратегий, используемых для формирования устойчивого образа «врага» в лице России и Сербии. Среди них – обвинения в подрыве демократических институтов, вмешательстве в выборы, нарушениях прав человека и дестабилизации международной безопасности. Также рассматривается роль международных организаций в легитимизации соответствующих нарративов.

На примере Косовского кризиса и украинского конфликта автор демонстрирует, как формируются и распространяются идеологемы, направленные на дискредитацию двух государств. Делается вывод о системной и последовательной работе западных политических и информационных институтов по созданию долгосрочного отрицательного имиджа России и Сербии.

Статья направлена на выявление механизмов воздействия институциональных структур на общественное мнение и международные отношения, а также на осмысление информационной политики в условиях геополитической конфронтации.

Ключевые слова: русофобия, сербофобия, НАТО, внешняя политика, информационная война, международные организации, Косово, Балканы, пропаганда, образ врага.

Введение. В постбиполярный период (после 1991 года) отношения между коллективным Западом и славянскими государствами – прежде всего Россией и Сербией – проходили через череду кризисов, сопровождавшихся возникновением феноменов русофобии и сербофобии. Под этими понятиями понимают

враждебное отношение, предубеждение и стигматизацию в адрес соответственно России (русских) и Сербии (сербов). В странах НАТО данные настроения проявлялись как на уровне общественного мнения и медийного дискурса, так и на уровне официальной политики и институтов. В результате за период 1991-2022 гг. сложилась определенная институционализация русофобских и сербофобских подходов – то есть их укоренение во внешнеполитических доктринах, решениях международных организаций, информационной политике и массовой культуре.

Настоящая статья ставит целью проанализировать методы, с помощью которых в странах НАТО происходила институционализация русофобии и сербофобии в указанный период. Исследование опирается на принцип историзма и междисциплинарный подход: рассматриваются как конкретные внешнеполитические шаги и решения (расширение НАТО, военные операции, санкционные режимы, деятельность международных трибуналов и т.д.), так и информационно-пропагандистский контекст (риторика лидеров, освещение событий в западных СМИ, культурные кампании). Источниками послужили как западные, так и российские материалы: резолюции и концепции НАТО, публикации СМИ, а также оценки российских и сербских ученых и политических деятелей.

Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении русофобии и сербофобии как взаимосвязанных феноменов, проявившихся на разных уровнях – от дипломатии до медиа – и использовавшихся для обоснования политических решений. Практическая значимость связана с тем, что понимание данных процессов позволяет выявить их влияние на современную систему международных отношений и конфликтогенный потенциал. В дальнейшем изложении сначала уточняются понятия русофобии и сербофобии и их исторические корни, затем исследуются внешнеполитические механизмы институционализации (на примерах действий НАТО и западных институтов), после чего анализируется информационный контекст (методы формирования образа врага в медиа и общественном мнении). В заключение подводятся итоги о роли этих явлений в отношениях России, Сербии и стран НАТО.

Понятия русофобии и сербофобии: исторический контекст. Термины «русофобия» и «сербофобия» обозначают иррациональный страх, неприязнь или ненависть к России (русским) и Сербии (сербам) соответственно [14. С. 36-50]. Хотя массовое употребление этих понятий возросло именно в конце XX – начале XXI в., их исторические корни уходят глубже. Так, русофобские настроения на Западе фиксировались еще в XIX веке, а в период Холодной войны они тесно переплетались с антисоветизмом, формируя образ СССР как враждебной цивилизации. Что касается сербофобии, то ее истоки можно усмотреть в политике Австро-Венгрии и некоторых балканских стран, где в конце XIX – начале XX в. бытовали представления о сербах как «чуждом элементе» и угрозе [10]. В современной трактовке сербофобия в основном относится к периоду распада Югославии и последующим событиям.

Важно подчеркнуть, что употребление терминов «русофобия» и «сербофобия» в научном контексте вызывает споры. Западные аналитики зачастую скептически относятся к этим понятиям, полагая, что они могут использоваться в пропагандистских целях (например, для консолидации внутривнутриполитической поддержки или оправдания собственных действий) [16]. Сами же Россия и Сербия рассматривают русофобию/сербофобию как реальное явление, выражающееся в дискриминационных решениях и риторике. В данной работе эти термины применяются именно как обозначения определенных тенденций в политике и общественном мнении стран НАТО, зафиксированных эмпирически (через анализ документов, медиаматериалов и решений). Далее мы рассмотрим, какими внешнеполитическими методами данные тенденции внедрялись в практику НАТО и государств Запады.

Внешнеполитические механизмы институционализации русофобии и сербофобии. Политика НАТО и Запады в отношении Сербии (Югославии) (1991-2022 гг.). Распад Социалистической Югославии в 1991-1992 годах и серия вооруженных конфликтов на Балканах стали фоном, на котором сложилась и укрепилась сербофобская линия в западной политике [5. С. 40-57]. Страны НАТО в целом заняли позицию, поддерживающую хорватскую, боснийско-мусульманскую и албанскую стороны конфликтов, возлагая основную вину за кровопролитие на сербов. Например, президент Сербии Слободан Милошевич в западном дискурсе регулярно сравнивался с Гитлером, назывался «балканским палачом» и т.п. Так, в редакционных статьях влиятельных газет обосновывалась необходимость силовой акции против Белграда: британская Guardian писала весной 1999 г. о Милошевиче как о «маленьком Гитлере Белграда», проводя параллель между сербскими действиями в Косово и политикой нацистов [15]. Сербские войска и власти в западном информационном поле представлялись единственными виновниками этнических чисток и военных преступлений, что формировало односторонний образ врага.

Такая информационная кампания шла рука об руку с политическими шагами. В 1992 году при активной поддержке западных держав был создан Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ, ICTY) – судебный орган ООН, задачей которого было преследование военных преступлений. Несмотря на заявленную беспристрастность, на практике деятельность трибунала воспринята многими сербами как институционализируемая сербофобия. Более 60% обвиняемых в МТБЮ составили этнические сербы, тогда как преследование преступлений против сербов носило ограниченный характер. Например, трибунал отказался возбуждать дело против хорватского генерала А. Готовины за изгнание сербов из Краины и не стал расследовать действия НАТО, хотя бомбардировки Югославии в 1999 г. привели к гибели мирных жителей.

Кульминацией внешней политики НАТО, проникнутой сербофобскими мотивами, стала военная операция против Союзной Республики Югославии (СРЮ) весной 1999 года. Официально бомбардировки Югославии объяснялись необходимостью предотвратить гуманитарную катастрофу в крае Косово.

Однако независимые исследователи отмечают, что поводом послужил спорный инцидент в деревне Рачак (январь 1999), в котором западные СМИ и политики обвинили сербские силы в массовом убийстве косовских албанцев. Позднее выяснилось, что в Рачаке имела место вооруженная операция против боевиков Косовской освободительной армии, а жертвы были в основном вооруженными бойцами, а не мирными жителями. Тем не менее в то время западная пресса подавала этот эпизод как резню мирных албанцев, что стало информационным обоснованием начала бомбардировок.

Сама операция НАТО против СРЮ, длившаяся 78 дней, часто характеризуется в российской и сербской литературе как проявление институциональной сербофобии. Впервые после Второй мировой войны крупные западные державы нанесли военный удар по европейской столице (Белграду), обходя санкцию СБ ООН и фактически выступив на стороне одной этнической группы в локальном конфликте.

В совокупности, политика США и НАТО в отношении Сербии/Югославии в 1990-е гг. создала прецедент институционализации враждебности к целому народу. Демонизация сербов в информационном поле, дипломатическое давление (санкции против СРЮ действовали с 1992 по 1995 гг., затем в 1998 г. вводились новые ограничения) и военное насилие (операция 1999 г.) – все это укоренило представление о том, что против Сербии сложился своеобразный «консенсус» Запада, видящего в ней врага. Примечательно, что один из идеологов операции 1999 г., тогда сенатор Дж. Байден, открыто призывал «бомбить Белград и взрывать мосты», называя при этом полевого командира албанской армии Хашима Тачи (обвиняемого в тяжких преступлениях) «косовским Джорджем Вашингтоном». Такой контраст в оценках, при котором сербская сторона тотально криминализована, тогда как ее противники романтизированы – является характерным отражением сербофобского подхода в кругах западного истеблишмента конца 90-х.

После свержения режима Слободана Милошевича в октябре 2000 года Сербия взяла курс на экономическую интеграцию в многосторонние международные объединения и организации [13. С. 21-37], прежде всего в ЕС, и острые противоречия с НАТО времен войны несколько сгладились. Тем не менее сербофобские стереотипы на Западе никуда не исчезли; они просто стали менее заметны на фоне частичной нормализации отношений. Так, западные НКО и фонды, действовавшие в Сербии, часто обвинялись местными патриотами в продвижении сербофобского нарратива – например, излишне критичного отношения к сербской истории и культуре, обвинения сербов в «национализме» и нетерпимости.

Отдельной болевой точкой оставался статус края Косово и Метохия. В 2008 году при активной поддержке США и ведущих стран ЕС албанские власти края в одностороннем порядке провозгласили независимость Республики Косово. Для Сербии это событие стало тяжелым ударом; оно расценено как незаконный отрыв исконной территории, нарушающий резолюцию СБ ООН 1244.

После 2014 года – с началом конфликта на Украине и роста глобальной напряженности – Сербия снова оказалась под пристальным вниманием Запада. Белград, с одной стороны, стремился продолжить евроинтеграцию, с другой – не желал портить отношения с традиционным союзником – Россией. Такая сбалансированная позиция встретила возрастающее раздражение в НАТО и ЕС. В итоге можно констатировать: сербофобия на Западе после 2000 г. не имела столь ярких проявлений, как в 90-е, но продолжала присутствовать на уровне установок и готовности к односторонним решениям. Когда же в мировых делах обострилась схватка с Россией, сербофобские подходы вновь вышли на поверхность, поскольку Сербия рассматривается западными столицами как «форпост российского влияния» на Балканах.

Эволюция отношений Запада с Россией: от партнерства к конфронтации. В 1990-е гг. отношения стран коллективного Запада, а также НАТО и ЕС (в особенности в экономическом контексте) с Российской Федерацией формально выстраивались по моделям партнерства и диалога [13]. Однако уже в этот период зарождались элементы политики, которую в России впоследствии охарактеризуют как русофобскую [8. С. 81-84]. К таким элементам относится прежде всего расширение НАТО на Восток. Руководство РФ воспринимало продвижение инфраструктуры альянса к границам России как нарушение духа договоренностей конца Холодной войны и прямой вызов безопасности страны.

Рубежом, когда напряжение переросло в открытую конфронтацию, можно считать конец 1990-х – начало 2000-х годов. Во-первых, как отмечалось выше, военная кампания НАТО против союзника России – Сербии (1999) имела колоссальный резонанс. Российское руководство тогда квалифицировало действия альянса как «агрессию против славянского народа», а общественное мнение испытало всплеск антизападных настроений, базирующихся на восприятии ненависти Запада к православным славянам. Параллельно шел другой процесс: в России набирала обороты вторая чеченская война (1999-2000), и отношение Запада к ней стало новым маркером. Западные СМИ и правозащитники резко критиковали жесткие действия Москвы в Чечне, обвиняя российскую армию в массовых нарушениях прав человека. В результате российская власть начала говорить о двойных стандартах и предвзятом отношении – зачатках того, что позднее станет риторикой о русофобии на Западе.

Институциональное оформление антагонизма между Россией и НАТО произошло после серии событий 2000-х годов. Ключевые вехи включают: отказ НАТО учитывать протесты России против приема в альянс прибалтийских стран (2004); одностороннее провозглашение независимости Косово (2008) при поддержке Запада, чему Россия активно противилась; решение саммита НАТО в Бухаресте (2008) о том, что Украина и Грузия «будут членами НАТО» (пусть и без конкретных сроков). На фоне этих шагов вспыхнул вооруженный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г., когда российская армия отразила наступление грузинских сил. Реакция НАТО и западных правительств – однозначное осуждение Москвы – укрепила в РФ убеждение, что Запад по определению занимает антироссийскую

позицию в любых спорных ситуациях. И действительно, освещение событий 2008 года в западной прессе, наряду с официальными заявлениями, способствовало возрождению образа России как «угрозы».

После 2014 года русофобские тенденции на Западе, по оценке Москвы, окончательно институционализировались. Критическим триггером стал украинский кризис 2014 г. и воссоединение Крыма с Россией. В ответ США, ЕС и страны НАТО ввели против России санкции беспрецедентного масштаба и фактически изолировали ее на международной арене – Россия была исключена из G8, приостановлено ее право голоса в Парламентской ассамблее Совета Европы (впоследствии РФ сама вышла из Совета Европы в 2022 г.) [7. С. 89-94]. Эти шаги в РФ расценили как сознательную политику «наказания» страны, причем не столько конкретных должностных лиц, сколько всей экономики и населения.

Объективно, к концу 2010-х – началу 2020-х годов множество официальных документов и заявлений НАТО открыто обозначало Россию в негативном ключе. Еще в 2019 г. Североатлантический альянс признал «агрессивные действия России» главной проблемой евроатлантической безопасности. А в новой Стратегической концепции НАТО 2022 года этот подход закреплен однозначно: документ подтвердил, что НАТО рассматривает действия России как основное негативное направление («первостепенная угроза») и будет усиливать коллективную оборону против РФ. Одновременно там же впервые Китай назван стратегическим вызовом – то есть фактически альянс вернулся к идеологии блокового противостояния с великими державами, где РФ отведена роль главного противника.

Помимо военной стратегии, институциональная русофобия проявилась и в других сферах западной политики. Законодательные органы ряда стран приняли специальные акты, направленные именно против России. Пример – американский закон «О противодействии противникам Америки через санкции» (CAATSA, 2017), прямо называющий Россию одним из противников и вводящий жесткие ограничения на сотрудничество с ней. В результате всего комплекса мер (санкций, военной поддержки противникам РФ, разрыва сотрудничества) к 2022 г. в глазах российского общества закрепилось убеждение, что «коллективный Запад» проводит последовательную русофобскую политику.

Информационный и медийный контекст: формирование образа врага. Институционализация враждебности невозможна без соответствующего сопровождения в информационном пространстве. В случае русофобии и сербофобии страны НАТО задействовали мощные ресурсы СМИ, культуры и общественной риторики для легитимации антагонизма к России и сербам [4]. Этот процесс имел свои этапы и особенности применительно к каждой из двух целей, но в целом прослеживается единая логика: последовательное конструирование образа «опасного и чуждого Другого», угрожающего ценностям и безопасности западного сообщества.

Пропагандистские кампании против Сербии (1990-е). Как отмечалось ранее, западные медиа и политическая риторика 90-х годов демонизировали

сербов, часто прибегая к экстремальным историческим аналогиям. Сербское руководство в лице С. Милошевича и военных лидеров боснийских сербов (Р. Караджича, Р. Младича) систематически сравнивали с нацистами. Газеты публиковали карикатуры и колонки с откровенно ксенофобским посылом в адрес сербского народа. Например, влиятельный американский журналист А.М. Розенталь в 1992 г. в *New York Times* фактически оправдывал призывы «убивать сербов», утверждая, что сербские действия в Боснии выводят их за рамки человечности. Подобные высказывания отмечены как часть медиа-дискурса того времени. При этом преступления против сербов освещались куда менее охотно или подвергались сомнению. Так, массовые убийства сербских жителей в стране Медак (Хорватия, 1993) или изгнание 200 тысяч сербов из Хорватии в 1995 г. (операция «Буря») не получили сопоставимого резонанса.

Сербская сторона и некоторые независимые исследователи обвиняли западные СМИ в планомерной кампании очернения, вплоть до прямых фальсификаций. Например, сюжет о так называемом плане «Подкова», якобы разработанном сербскими генералами для изгнания албанцев из Косова. Этот сюжет был озвучен германским министром обороны Р. Шарпингом в разгар бомбардировок, чтобы оправдать действия НАТО, но позже доказано, что документ «Подкова» не найден и вероятнее всего являлся дезинформацией. Тем не менее западное общественное мнение к тому моменту уже было убеждено в справедливости войны.

Таким образом, информационный «фронт» против Сербии включал: демонизацию лидеров (риторика «новый Гитлер»), коллективную стигматизацию народа (тезисы о сербах как кровожадных националистах, склонных к этническим чисткам), одностороннюю журналистику (игнорирование сербских жертв, преувеличение или фабрикация преступлений сербов). Все это не только создало оправдание непосредственным решениям (ударам НАТО), но и отложилось на более долгий срок. В массовом сознании западных стран сербы заняли прочное место в ряду «отрицательных героев».

Образ России и русских в западном дискурсе. В течение 1990-х годов западный медийный образ России балансировал между стереотипами о «бывшей сверхдержаве в упадке» и надеждами на либеральные реформы. Русофобией в чистом виде тот период нельзя назвать: скорее, к России относились свысока или с жалостью, чем с откровенной враждебностью. Однако уже тогда существовали устойчивые негативные клише: об организованной преступности, коррумпированности, «имперских амбициях» остающихся у Москвы. Эти стереотипы укоренились в западной массовой культуре. Хотя подобные штампы могут казаться поверхностными, они создали фон, на котором позднее серьезная антироссийская риторика легко воспринималась аудиторией [9. С. 14-47].

Значительный перелом произошел с приходом к власти в России Владимира Путина и частности с его вторым президентским сроком (2004-2008). Западные СМИ и аналитические центры начали отмечать «откат от демократии» и авторитарные тенденции в РФ. Постепенно фигура Путина превратилась в главную

мишень информационных атак [3. С. 101-110]. Его лично обвиняли в отравлениях оппонентов, подавлении свобод, «реставрации советского образа действий». После 2007 года тональность западной прессы стала все более критической, порой откровенно враждебной. Некоторые влиятельные издания пускались в почти персонифицированную демонизацию. Тем самым, хотя формально речь шла об анти-кремлевской позиции, на практике в западном массовом сознании вновь укреплялся образ России как врага.

Западные официальные лица все чаще позволяли себе выражения, ранее невысказанные в дипломатической практике, по отношению лично к лидеру РФ и стране. Так, президент США Джо Байден в марте 2021 г. публично согласился с определением Путина как «убийцы», что вызвало международный скандал.

Параллельно проводилась дефиниционная экспансия понятия «русская угроза» и в широкой публицистике, и в экспертных докладах [6]. Все действия Москвы трактовались через призму злого умысла. Например, участие России в сирийской войне (2015) подавалось как стремление «подорвать Запад», кибератаки и вмешательства приписывались российским хакерам во всех громких случаях (вплоть до выборов президента США 2016 г.). Хотя доказательная база некоторых обвинений оставалась дискуссионной, медийный эффект был однозначен: в сознании западной аудитории укоренялась связь любой дестабилизации или неприятности с «рукой Кремля» [2. С. 11-18].

Подводя итог, информационно-пропагандистские методы институционализации русофобии и сербофобии включали:

- Демонизацию лидеров (сравнение с Гитлером, обвинения в геноциде, персональная дискредитация).
- Обобщающую стигматизацию народов (создание отрицательных стереотипов о «типичных» русских и сербах как агрессивных, примитивных, опасных).
- Искажение и селекцию фактов (акцент только на преступлениях одной стороны, замалчивание контекстуальных или встречных случаев; вброс недостоверной информации для оправдания действий НАТО).
- Культурную и экономическую изоляцию (бойкоты, санкции, отмена культурных мероприятий, запрет СМИ из нелояльных стран).
- Апелляцию к высоким моральным императивам для оправдания предвзятости (риторика защиты прав человека, борьбы с диктатурами – которая применялась избирательно, создавая образ «цивилизационной миссии» против «варваров»).

Все эти методы, по сути, были направлены на формирование у западной общественности стойкого враждебного образа России и Сербии. Причем стигматизация служила не самоцелью, а средством: Запад подготавливал почву для своих геополитических действий – будь то расширение НАТО, смена режимов или военные интервенции.

Заключение. Проанализировав события и тенденции 1991-2022 годов, можно заключить, что русофобия и сербофобия в странах НАТО прошли путь

от ситуативной реакции до системного фактора внешней политики и общественного дискурса. Институционализация этих феноменов выражалась в том, что враждебное отношение к России и Сербии закреплялось на уровне стратегических доктрин, международно-правовых решений и информационных практик.

Внешнеполитический аспект проявился через конкретные действия: интервенции НАТО на Балканах и последующее политико-правовое оформление их итогов, расширение альянса вопреки протестам Москвы, санкционные кампании, позиционирование России как противника в официальных документах. Информационный аспект дополнил картину, создав для этих действий идеологическое оправдание – образы «агрессивной России» и «зловещих сербов», с которыми нельзя ни сотрудничать, ни проявлять терпимость. Взаимосвязь двух явлений, как показано, не случайна: исторически негативный образ Сербии стал прологом к более масштабной демонизации России, а после 2014 г. русофобия на Западе достигла такого накала, что невольно реанимировала и прежние сербофобские установки [12. С. 26-65].

В научном плане важно понимать, что русофобия и сербофобия – не просто эмоциональные предубеждения, а элементы политики идентичности. Создавая образ врага, Запад консолидировал собственный блок, оправдывал рост военных расходов и экспансию институций.

После 2022 года мир вступил в крайне турбулентный период. Можно прогнозировать, что русофобия в странах НАТО еще долго останется на подъеме, учитывая продолжение конфликта на Украине и общую конфронтацию с Россией. Сербия же, как союзник РФ, вероятно, продолжит испытывать давление и информационные атаки, хотя масштаб сербофобии несопоставимо меньше [1. С. 533-540]. В заключение подчеркнем, что феномены русофобии и сербофобии, какими бы острыми они ни были, не являются неизлечимыми «историческими закономерностями». Они сконструированы конкретными политическими силами в конкретных исторических обстоятельствах – а значит, при изменении этих обстоятельств и при политической воле их можно постепенно деконструировать. Однако для этого необходим критический взгляд внутри самих стран НАТО на свою политику прошлого тридцатилетия, признание ошибок и отказ от практики возведения врагов. В противном случае институционализированная ненависть рискует и дальше определять облик международных отношений, усугубляя разделение мира на враждующие блоки. Путь преодоления лежит через возвращение к принципам сотрудничества и уважения, которые сейчас, к сожалению, вытеснены риторикой нетерпимости. Как показывает опыт, стигматизация народов – тупиковый метод, ведущий лишь к наращиванию конфликта. Преодоление русофобии и сербофобии – необходимое условие для построения прочной системы европейской и глобальной безопасности в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акопян Д.А. Балканский узел: современные этнополитические проблемы в странах бывшей Югославии // Диалог культур и цивилизаций:

- материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019.
2. **Алексеев А.Б.** Политический миф как средство ведения современной информационной войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сб. трудов. Всерос. науч. конф. (г. Новосибирск, 26-27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В.Ш. Сабирова. Новосибирск: СибГУТИ, 2018.
 3. **Вернер Н.** Русофобия как элемент журналистской деятельности в СМИ Великобритании, Польши и Германии в период 2015-2018 гг. // Вестник Российской нации. 2022. № 3.
 4. Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке: сб. статей / ред. колл.: К.В. Никифоров (отв. ред.), А.А. Силкин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
 5. **Володин А.Г., Филатов С.В.** Русофобия: корни и крона // Международная жизнь. 2023. № 4.
 6. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России: монография / под ред. И.И. Халеевой. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.
 7. **Емельянов А.И., Шигина А.Ф.** Русофобия в международных организациях: сравнительный анализ // Государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 4 (26).
 8. **Еременко Д.В., Швецова С.В.** Русофобия как явление в современном западном обществе // Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского. Молодежный: ИГСХА, 2022.
 9. **Ильин А.Н.** Русофобия Запада, построенная на современных событиях: когда идеологемы противостоят реальности // Горизонты гуманитарного знания.
 10. **Меттан г.** Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. с фр. М. Аннинская, С. Булгакова. М.: Паулсен, 2016.
 11. **Нарышкин А.А.** Евросоюз – геополитический соперник или ключевой партнер России? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 4 (22).
 12. **Неменский О.Б.** Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13.
 13. **Прохорова А.А.** К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1.
 14. **Ширинянц А.А.** Еще раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2024. № 2.
 15. **Judah T.** Perhaps later on they will admit the truth // The Guardian. 1999. 7 Apr. // <https://www.theguardian.com/theguardian/1999/apr/07/features11.g24>.
 16. 'Russophobia' Term Used to Justify Moscow's War Crimes in Ukraine, Security Council Hears as Political Leaders, Historians Spar over Historical Narratives // United Nations. 2023. 14 Mar. // <https://press.un.org/en/2023/sc15226.doc.htm>.

R.A. KOBELKOV

Postgraduate Student, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(DA MFA RF), Russia, Moscow

METHODS OF INSTITUTIONALIZING RUSSOPHOBIA AND SERBOPHOBIA IN NATO COUNTRIES: ANALYSIS OF FOREIGN POLICY AND INFORMATION CONTEXT (1991-2022)

This article examines the key methods of institutionalizing Russophobia and Serbophobia in NATO member states during the period from 1991 to 2022. The study is based on an analysis of foreign policy documents, think tank reports, resolutions of international organizations, and Western media rhetoric. The author identifies two main channels of institutional consolidation of negative perceptions of Russia and Serbia: official foreign policy rhetoric and the propagandistic discourse of mass media.

Special attention is paid to the strategies used to construct a persistent image of the «enemy» represented by Russia and Serbia. These include accusations of undermining democratic institutions, election interference, human rights violations, and threats to international security. The article also explores the role of international organizations in legitimizing such narratives.

Using the examples of the Kosovo crisis and the Ukrainian conflict, the author demonstrates how ideological constructs are formed and disseminated to discredit both countries. The article concludes that there is a systemic and consistent effort by Western political and informational institutions to create and reinforce a long-term negative image of Russia and Serbia.

This work aims to identify the mechanisms through which institutional structures influence public opinion and international relations, and to conceptualize the role of information policy within the context of geopolitical confrontation.

Key words: Russophobia, Serbophobia, NATO, foreign policy, information warfare, international organizations, Kosovo, Balkans, propaganda, enemy image.